

МАТЕРИАЛЫ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

DOI <https://doi.org/10.31912/rjano-2020.1.11>

Р. В. РОНЬКО

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
romanronko@gmail.com

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ 2019 Г. В ОПОЧЕЦКИЙ РАЙОН ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕКСТЫ С КОММЕНТАРИЕМ*

Настоящая публикация служит продолжением работы коллектива авторов, посвящённой описанию опочецких говоров. Публикуется расшифровка двух интервью, взятых у носителей этих говоров в ходе диалектологической экспедиции в 2019 г. Расшифровка даётся в нормализованной орфографии с некоторыми элементами транскрипции и сопровождается грамматическим комментарием, описывающим отдельные диалектные черты, встретившиеся в речи информантов.

Ключевые слова: псковские говоры, опочецкие говоры, диалектологические экспедиции, диалектные тексты.

В июне 2019 г. сотрудники отдела диалектологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН совместно со студентами Школы лингвистики НИУ ВШЭ провели экспедицию в Опочецкий район Псковской области. В ходе экспедиции записывалась речь местных жителей. Это третья экспедиция в Опочецкий район, предпринятая сотрудниками ИРЯ РАН и НИУ ВШЭ, начиная с 2017 г. Среди наших предшественников необходимо отметить экспедиции под руководством В. Н. Чекмонаса в начале 2000-х гг. [Вайерманн и др. 2002].

Экспедиция базировалась в деревне Кишкино. Были обследованы деревни Кишкино, Алтово, Кадниково, Барабаны, Белки и Пуршево Варыгинской волости Опочецкого района, компактно располагающиеся к северу от Опочки на реке Великой. Ранее эти деревни относились к управле-

* Я выражаю глубокую благодарность сотруднице Опочецкого центра культуры Екатерине Владимировне Козьяковой (Арсентьевой) за горячее участие и помощь в организации экспедиции. Также благодарю Анну Викторовну Малышеву и Александру Валерьевну Тер-Аванесову за обсуждение материала и редактирование текста работы. Все ошибки, неточности и неправильные интерпретации остаются на совести автора.

нию Матюшинской волости. Также состоялись поездки в деревни Лаптево (Болгатовская волость) и Гужево (Глубоковская волость), находящиеся южнее Опочки, и две поездки в деревню Сорокино (Глубоковская волость), которая расположена к юго-востоку от Опочки.

Диалект русского языка, распространённый в данном регионе, относится к псковской группе среднерусских говоров [ДАРЯ I–III]. Фонетический и грамматический очерки говора содержатся в статье [Дьяченко и др. 2018], которая написана по данным экспедиции 2017 г. Настоящая публикация служит продолжением этой статьи, а также дополнением к электронному корпусу [Ронько и др. 2019], созданному по материалам экспедиции 2018 г.

Ниже представлена выборочная расшифровка записи интервью с Ниной Ивановной Михайловой, которая родилась в 1934 г. в деревне Лаптево Болгатовской волости, имеет семь классов образования, работала в колхозе (далее — НИМ 1934), и Иваном Васильевичем Егоровым 1949-го года рождения из д. Пуршево Варыгинской волости, который имеет девять классов образования, работал водителем (далее — ИВЕ 1949). Расшифровка предваряется обзором некоторых диалектных черт и явлений, встретившихся в речи наших информантов. Предлагаемый обзор не претендует на полноту, основывается исключительно на материале представленной расшифровки и может рассматриваться как комментарий к ней.

1. Фонетика

1.1. Сильное яканье. Под ударением различается пять гласных фонем. В предударных слогах представлены сильное аканье и яканье.

При сильном яканье в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъёма может произноситься [a] независимо от твёрдости или мягкости последующего согласного и от того, какой гласный находится под ударением (подробнее см.: [Касаткин и др. 2012: 44]). В расшифровке это явление отражено: *тяпёрь, ляжйт, отбярёшь, тябё, ня дам, тьялёночка* и др.

Яканье представлено в расшифрованной записи массово, но не регулярно. Фонемы неверхнего подъёма в этой позиции могут нейтрализоваться также в звуках [e] или [и]: *н[е] дам, б[и]жат*. Более того, в одинаковых условиях могут произноситься [e] и [a]: *[не дам] vs [ня дам]*. В расшифровке произношение в этой позиции звуков, отличных от [a], передано в соответствии с орфографическими нормами.

1.2. Твёрдый [ш:]. В соответствии с долгим мягким шипящим [ш':] литературного языка произносится твёрдый [ш:] (подробней об этом явлении см. [Там же: 73]). В расшифровке данное явление отражается сочетанием *ши:* *клядбишише, нешиштным, вёшиши, бомбоубёжишиша, шиштается, яшишо*. Однако у обоих информантов есть и контрпримеры, соответствующие

ющие литературному стандарту. Долгий мягкий шипящий в расшифровке передается буквой *щ*: *ещё* 3×, *тыща*.

1.3. Твёрдый [ч]. Аффриката [ч] в говоре твердая. Данный факт в расшифровке не отражён, поскольку это явление носит регулярный характер и не знает исключений.

1.4. Реализация фонемы /в/. Фонема /в/ представлена губно-зубными [в] и [ф] или губно-губным [w]. Звуки [в] и [w] встречаются в любой позиции, но при этом [в] преобладает в позиции перед гласным, а [w] — перед согласным и на конце слова: [в]от, коро[в]ы, [w]от, коро[w], со[w]кóвую, голо[w]ку, дро[w]ни, пиро^жко[w]. Аллофон [ф] регулярно встречается в начале слова перед глухим: [ф]се, однако возможен и вариант [в]се.

В работе [Дьяченко и др. 2018: 271–272] практически не отмечен звук [ф] в середине слова перед глухим и на конце, в настоящих записях [ф] встречается в этих позициях довольно часто: *кусто*[ф], *тра*[ф]ки, *голо*[ф]ке.

В данной расшифровке губно-губной [w] передан как *w*, аллофоны [в] и [ф] — как *в*.

Фонема /в/ выступает и как протетический согласный перед /у/ и /о/ [Там же: 272]. Приведём все имеющиеся примеры из расшифровки: *ну он вучи́лся во Пскове, вукра́ситься, во́зеро* 2×.

2. Морфология

2.1. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных первого склонения. В настоящем разделе рассмотрен только материал НИМ 1934. В её идиолекте совпадают показатели родительного, дательного и местного падежей: во всех трёх падежах окончания *-е/* и *-и/* варьируют независимо от наличия/отсутствия предлога, исхода основы и ударности/безударности окончания. Сходные синкретические системы зафиксированы у информантов из других сёл Опочецкого района (Барабаны, Самсоново, Марфино) [Там же: 274–276].

Р. п. ед. ч., ударные окончания: /е/: *с-за реке́, с тюрьме́, голове́ не вижу; /и/: глубина ряки, начало этой войны* 2×, *начало войны, до войны* 3×, *после войны*; безударные окончания: /е/: *досталось от ма́ме, со шко́ле, с той сто́роны; /и/: у коровы, из клюквы, от школы, три комнаты, в союз охоты;*

Д. и м. пп. ед. ч., ударные окончания: /е/: *на одной стороне́* 2×, *в реке, в ряке, к зямле-то; /и/: на война́, на жары́, на горы́, на самой горы́; безударные окончания: /е/: на машине, в половине; /и/: там на кварта́иры, в одной полови́ны, в другой полови́ны, в той полови́ны, на ми́ны*¹.

¹ Примеры с окончанием *-е/* для родительного и *-и/* для местного падежей получены путём полного прослушивания записи НИМ 1934 (три часа двадцать две минуты), и, соответственно, не все из примеров этой группы входят в расшифровку, данную ниже.

2.2. Творительный падеж множественного числа имён и местоимений совпадает с дательным множественного числа. В расшифровке встретилось три примера, иллюстрирующие данное явление:

- (1) *А мы стоим, коровы уходят, собачка с нам была* НИМ 1934;
- (2) *Она платок сняла, так разостлала, рукам взяла мне, напоила* НИМ 1934;
- (3) *он кверху ногám со стула полятит* НИМ 1934.

2.3. Глаголы I спряжения с безударными окончаниями 3 л. ед. ч. Опочецкие говоры знают явление отсутствия конечного *-т* в ударных и безударных окончаниях 3 л. ед. ч. глаголов I спряжения и в безударных окончаниях 3 л. ед. ч. глаголов II спряжения (см., например, [Там же: 285–287]). В данной расшифровке без конечного *-т* нам встретились только глаголы 3 л. ед. ч. первого спряжения с безударными окончаниями. Приведём все примеры:

- (4) *А бог их знае* НИМ 1934;
- (5) *бог знае* НИМ 1934;
- (6) *полой вот так махае* НИМ 1934;
- (7) *Где-то гармошка играе* НИМ 1934;
- (8) *Работае в городе, в мегафоне, не в эмтээсе.* ИВЕ 1949.

Также отсутствует конечное *-т* в модальном слове *може*, которое восходит к глаголу *мочь*.

- (9) *Мóже ты слышала дяревню такую Сапульки?* НИМ 1934.

Однако наравне с такими формами присутствуют и глаголы I спряжения 3 л. ед. ч. с безударными окончаниями, имеющими конечный элемент *-т*. Так, информантка НИМ 1934 на четыре формы без *-т* употребила 14 форм с *-т*, а информант ИВЕ 1949 употребил одну форму без *-т* и одну с *-т*. Также у НИМ 1934 встретилось шесть форм *может* на две формы *може*.

Отметим, что характерные для опочецких говоров окончания глаголов 3 л., оканчивающиеся на мягкий *-т'* [Дьяченко и др. 2018: 286], в речи наших информантов не встретились: они оба употребляют в соответствующих позициях твердый *-т*. Единственным исключением является форма 3 л. ед. ч. атематического глагола *дать* (НИМ 1934).

2.4. Общее спряжение. В глагольном спряжении говора наблюдается явление, получившее обозначение «общего спряжения» [Касаткин и др. 2012: 156]: совпадение безударных окончаний глаголов I и II спряжений. В нашем говоре глаголы исконно II спряжения обобщают окончание 3 л. мн. ч. I спряжения *-ут/-ют*:

- (10) *и ня обязательно, что к ней заходят* НИМ 1934;
- (11) *сами бежат и нас гонют* НИМ 1934;

- (12) *Они хочут прокатиться* НИМ 1934;
 (13) *они не верют* НИМ 1934;
 (14) *потом через два дня звóнют* ИВЕ 1949.

Однако глаголы I и II спряжений могут и различаться, как в литературном языке:

- (15) *Коровы ходят* НИМ 1934;
 (16) *коровы-то ходят* НИМ 1934;
 (17) *дяжурные-то ходят* НИМ 1934;
 (18) *Бох йих знае, что там рубят* НИМ 1934;
 (19) *А что и сяйчас ставят, то и раньше было?* ИВЕ 1949;
 (20) *Звóнят оттуда* ИВЕ 1949;
 (21) *тябя начальником милиции ставят* ИВЕ 1949.

2.5. Плюсквамперфект. Встречается конструкция «глагольная форма на -л + связка *быть* в форме прошедшего времени»:

- (22) *(У) Нас один год был лосёнок жил* НИМ 1930.

Такие же примеры зафиксированы у информантов в этом же говоре (см. [Дьяченко и др. 2018: 298–299]).

2.6. Причастия прошедшего времени. В говоре распространены причастия² прошедшего времени с суффиксами *-ши-, -вши-, -лиши* в предикативной функции. Имеющиеся в расшифровке примеры можно разделить на следующие группы.

Причастие в значении перфекта:

- (23) *Ну в год, раз ездием мы туда, они приехавши, два внука, нявестка приехала оттуда* ИВЕ 1949;
 (24) *И вот они эти дровни тянут мокрые все, впотевши, хохочут* НИМ 1934.

Сочетание *был* с причастием в функции плюсквамперфекта:

- (25) *А мы опять же были все убежавши в эти ж самые Сапульки* НИМ 1934;
 (26) *Нет, это Павлыч был сгорелиши* ИВЕ 1949.

Причастие в полупредикативной функции (в роли второстепенного предиката или глагольного модификатора):

- (27) *Она подходит, она стоит головку опустилиши, она: «Манюх, Манюх!»* НИМ 1934.

² В диалектологической литературе такие формы относятся к разряду причастий, а не деепричастий. Причины подобного отношения подробно рассматриваются, например, в работе [Кузьмина 1993: 142–143].

2.7. Вопросительно-относительные местоимения *кто* и *что*. На месте вопросительно-относительного местоимения *что* (*чего*) в некоторых контекстах выступает местоимение *кто* (*кого*):

- (28) *Я не могла идти, мне отняло ноги и руки, всё! Ну вот, пришла. А когó ж! А оказывается, этого лосёнка мать бьль убита, а он остался сироткой* НИМ 1934;
- (29) *Кого поешь пирожков, кисялька, когда мы колóтимся (нам не до пирожков, из-за того, что нам очень страшно)?* НИМ 1934.

3. Синтаксис

3.1. Предлоги *в* и *у*. Предлог *у* в сочетании с родительным падежом в конструкциях со значением принадлежности, пребывания при ком-н., чем-н. может заменяться на *в* с местным падежом (ср. с южнорусским говором с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области: [Малышева, Тер-Аванесова 2016: 224–227]):

- (30) *яшио там эстонцы в них были* НИМ 1934;
- (31) *А эти-то парни, которые побольше в нас были* НИМ 1934;
- (32) *И вот она с Троицы, с июня дяржала до октября месяца, жил он в нас* НИМ 1934;
- (33) *А это были в соседке* ИВЕ 1949.

В таких же конструкциях предлог *у* встречается у информантки НИМ 1934 23 раза и два раза у информанта ИВЕ 1949. Вместе с подобными примерами массово встречаются предлоги *у* и *в*, выступающие в стандартных значениях: у НИМ 1934 предлог *в* в стандартном значении встретился 73 раза, а предлог *у* — 22; у ИВЕ 1949 предлог *у* — дважды, а *в* — 37 раз.

В этой позиции возможен также пропуск предлога *у* перед родительным падежом:

- (34) *[У] Нас один год был лосёнок жил* НИМ 1934;
- (35) *Вот [у] ней ня закрывалась окно, она чярез окно влязала* НИМ 1934;
- (36) *вот за этот Пятров день [у] нас уже была деревня под немцами* НИМ 1934.

Встретился один пример пропуска предлога *в* перед местным падежом:

- (37) *а мы с Михальчем [в] поле нались* НИМ 1934.

3.2. Предлог *с*. В соответствии с предлогом *из* литературного языка в говоре часто употребляется предлог *с* с именем в форме род. п. при обозначении места, откуда направлено движение (39, 40), а также в сочетании со словом *отпуск* (41):

- (38) *А мать приехала с Опочки* ИВЕ 1949;
 (39) *раз с хуторов перегнан* ИВЕ 1949;
 (40) *вот с отпуска поехал учиться сразу* ИВЕ 1949.

В данном говоре подобная замена встречается и в составных предложениях:

- (41) *вот мы с лесу оттудова с-под Коновалихи вот к этим дворам вышли* НИМ 1934.

Предлог *с*, наряду со стандартным *из*, встречается также в сочетании с именем, обозначающим материал, из которого что-л. изготавливается:

- (42) *Делали. С картошки* НИМ 1934.

3.3. Предлог *на* с вин. п. при глаголах речи. Адресат сообщения при глаголах речи, выражаемый в литературном языке дательным падежом, в некоторых контекстах выражен сочетанием предлога *на* с винительным падежом:

- (43) *А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком»* НИМ 1934;
 (44) *перягодчик на мяня и говорит, их пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают меня: «Что? Какие?»* НИМ 1934;
 (45) *а я на супругу говорю, давай-ка перякроем крышу* ИВЕ 1949.

Ср. примеры, где адресатом выступает местоимение в дательном падеже:

- (46) *Ну а мальчишки нам сказали: «Вы, — говорят, — садитесь на дровни сзади, как будем под гору спускаться, вы свалитесь в снег, а мы когда к кустам будем подъезжать, тогда свалимся»* НИМ 1934;
 (47) *Вот она приехала, нам сказала* НИМ 1934;
 (48) *А он, ничаво не говоря нам, пошёл* НИМ 1934;
 (49) *Ну вот, она яго к зямле-то прижала, на него лягла вот так, вот она и закричала-то нам* НИМ 1934.

Три примера со сходным употреблением предлога *на* при глаголах речи обнаружены в Опочечком корпусе [Ронько и др. 2019]:

- (50) *Ну не пройдёт так, чтоб он не пригласил или не сказал грубо на меня* АВВ 1933;
 (51) *Ты ошалела, — она на меня, — ты не даёшь спать, ходишь, блудишь* АВВ 1933. В этом примере глагол речи опущен, но предполагается ('на меня говорит');
 (52) *Я, как мой сын на меня говорит: ты цистерну выпила корвалолу* ЗИИ 1932.

Такое же употребление предлога *на* описано и для некоторых других русских говоров. В работе [Мальшева 2018] анализируются сочетания предлога *на* с глаголами речи в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области и делается вывод, что конструкция *на + винительный падеж* в рассматриваемом говоре связана со специальным значением глагола *говорить*: 'пытаться словами воздействовать, оказывать влияние на кого-либо'.

4. Из лексики

4.1. Вместо обычного в русском литературном языке глагола *дождаться* используется глагол *дожидать*:

- (53) *Мать ня знала, что это кто-то свой идёт. Э! Заходит, закрутит, всё, ласково дожидает, что кто-то придёт* НИМ 1934.

Выборочная расшифровка

Расшифровка даётся в орфографии с элементами транскрипции. Ударения поставлены в словах при наличии различий между постановкой в литературном языке и диалекте. Все морфосинтаксические черты текстов сохранены. Интервью с Иваном Васильевичем Егоровым 1949 г. р. в дальнейшем будет представлено в корпусе [Ронько и др. 2019] в традиционной орфографии³.

Нина Ивановна Михайлова, 1934 г. р.

Л о с ё н о к
(2:07:06; Praat 7614⁴)

[У] нас один год был лосёнок жил. А лосёнок жил... за Троицу мать бѣль на кладбишшах, а мы с Михалычем [в] поле паслись, скот пасли, что корова бѣла. И за школой, вот где школа сейчас под горой там (в) поле паслись. А мать приехала с Опочки, и ну и пошла в лес поросятам травки порвать, листики такие собирали в лясу. Ну от. А мы стоим, коровы ходят, собачка с нам бѣла, она всё ходит вдоль кустов да тѣв-тѣв, тѣв-тѣв. Я: «Туузик, а чаго ты лаешь? Иди к нам сюда, коровы ни пойдут туда в кусты», — а он всё пробяжит да тѣв-тѣв, тѣв-тѣв. Ну вот, а мать пришла с этой с церкви-то, с кладбишш, ну и пошла в лес туда к нам, близко за травой, в кустики. А мы-то ня знали, что она пошла, нам она не пришла не сказала. Стоим мы с ним так разговариваем с Михалычем, нá, слышу: «Вась! Вась! Вась!», — таким нешшастным голосом, мать кричит. Говорю: «Вась, это ж мамка кричит где-то?». Я говорю: «Ну послушай, мамка где-то в лясу кричит». Ну вот, а это он: «Да тебе слышалось». Она опять: «Вась, Вась», — он ринулся, побяжал в кусты. А оказывается как: она пошла в кусты, там дорожка. Ну, захотела бабка в туалет, так сказать, ну как она там присела, а по этой дорожке маленький от такой лосёночек бяжит.

³ Ознакомиться с полными аудиозаписями в формате wav можно, отправив запрос по ссылке: <https://www.dropbox.com/sh/3ucac7340cgy1o2/AADxNQc9KHINU SVC8UYrJW8Ea?dl=0>.

⁴ В таком формате указаны секунды, с которых начинается данный фрагмент записи, разобранный в программе Praat.

А мать тут: «От ты, — говорит, — тяперь моя». Да, она выскочила, да цапёль этого лосёнка вот так в охапку и яго повалила. Ну, лосёнок же всё-таки дикий, как хочешь, зверь. Ну вот, она яго к зямле-то прижала, на него лягла вот так, вот она и закричала-то нам. Ну вот, тот пришёл, а я не могу, всё моё. Я бросила коров да через эти кусты, через болотину там к ним я как выскочила, а мать ляжйт. И вижу, что что-то шавелится, я думала, что зверь какой на няё напал. Мне сразу ноги и руки отняло, я бух и всё, я ни с места, ни ходячая, ни ляжачая, не понять какая. Вот кое-как я ползком-ползком, доползла до них. Мать и говорит: «Это лосёнок! Это лосёнок!», — ну вот, не зверь, это лосёнок. А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком». Ну от: «Не дам! — я закричала, — ня дам, не дам, не дам!». Они хотели, ну прирезать этого лосёнка, как тьялёночка маленького. Ну от, и он такой был, что Михалыч взял вот так за ножки за перёжные, за задние, вот так на шею положил, так. Так на сябе домой принёс, принёс, так в сарай пустил. Мать забрала коров, домой погнала вечером, а я оттуда вот, от школы, я до дому два с половиной часа шла, я не могла идти, я проползу нямножко, поляжу: «Зямелюшка, матушка, дай мне силушки, подними мяня». Пройду несколько шагов, опять бух! Я не могла идти, мне отняло ноги и руки, всё! Ну вот, пришла. А когó ж! А оказывается, этого лосёнка мать бьяль убита, а он остался сироткой, а он чувствовал коров, коровы-то ходят, молоком пахнет от них, от этот лосёнок по дорожке пошёл сюда к коровам. А мать-то тут яго поймала. И вот она с Троицы, с июня дьяржала до октября месяца, жил он в нас. Мы, правда, в Бяздэдове жили, она одна здесь жила. И вот она тут яго дьяржала, этого лосёнка. Выросла большая лосиха!

А сын мой ходил как раз в четвёртый класс. Ну, доставалось яму от ней. Он возьмётся дразнить и пойдёт яблочко сорвёт, дасть яблочко. Если дасть круглое, она есть ня будет, обязательно чтоб надо разрезать. Если круглое, оно покатилося, она ногой будет до тех пор бить, пока яго вдрызг разобьёт, вот это яблоко. Не любила что-то крупное, вот это круглое. Не любила сошковую лопату! Если она ляжит вот так, она не тронет, а если вот так, она-то всё-таки крутится, будет до тех пор бить, пока или отбярёшь эту лопату, или что-нибудь она сделает, она разбивала яё. Ну вот, он сядет на стула, возьмёт свёклину, пойдёт в огороде вытянет, обчистит, начинает кусочком, отрежет, ей даст, она съесь, он яшшо тихонько так режет, чтоб подразнить яё, а она ждёт-ждёт, не дождётся, как сунет яго вот так мордой — он к верх ногам со стула полятит. И большая! Прозвал он яё Манюха. Она девочка бьяла Манюха. И вот мы хоть в Бяздэдове жили, а калитка-то у нас уже бьяла, всё кругом загорóжено, она не выпускалася никуда, и мы сразу сообщшыли в союз охоты. Если б мы яё зарезали, и [они] узнали, нам, как раньше было, пятьсот рублей штрафа дали б за няё, ну мы ня зарезали, она выросла большая.

*А как её выпустили вы?*⁵

⁵ Курсивом в расшифровке отмечены реплики интервьюеров.

А к нам приехали, взяли яё, нам деньги, матери деньги заплатили, и яё забрали, вот во Пскове была ВДНХ. На ВДНХ. И наша одна бригадир колхозный поехала на ВДНХ и яё видела там. Она подходит, она стоит голову опустилши, она: «Манюх, Манюх!». Это она почувствовала, что яё зовут. Ох, как заходила она там, как заходила! А там которые джурные-то ходят: «Вы зачем, — говорят, — яё трягожите?» «А я, — говорит, — ня трягожу, я позвала её так, как яё зовут. А как яё зовут? А Манюха». Ну вот, и она погладила яё, а она, вот животное, а слязуньки, котяца в ней. Вот она приехала, нам сказала.

А приехали когда за ней на машине, шофёр и грушника два, побоялся к ней подойти, не могли к ней подойти. Они в дом сюда, а машину так сюда задом подогнали, калитку открыли, задом подогнали, трап опустили, и вот Михалыч взял свёклинку: «Ну пойдём, Манюшка, пойдём», — и так она за свёклинкой сама так влезла в машину. Они быстренько это закрыли борт, там завесили яё, повязли.

А Михалыч-то как оттуда вышел с борта?

Ну, он соскочил оттудова, они тут же сразу закрыли борт, всё. А яё взяли в зоокомбинат, она уже ручная, яё выпустить нельзя было, яё бы убили, она б пошла к людям. Вот яё дяржали там, где дяржали таких лосей, которые... ну как бы их доили, вот это, и вот яё поместили туда, она была тут в зоокомбинате. А что с ней случилось, я ня знаю. А бывало, мы когда идём с Бяздэдово к ней по дороге. Она же, мать ня знала, что это кто-то свой идёт. Э! Заходит, закрутит, всё, ласково дожидает, что кто-то придёт. Ну от, а если чужой кто идёт и ня обязательно, что к ней заходят, а по дороге, она вот тут на шее как выставит так шерсть поднимет вот эту, глаза кровью нальются, заходит она, не своя, понимала.

Вот поэтому шоферá и шóферы и погрузчики они боялись к ней подойти, она заходила, кровью глáзы налились, а бывало навредить. Вот это окно у нас, мать не закрывала, оно открыжное было, от придёт домой с работы, сядет поесть, а она подойдёт, откроет окно, мордочку свою вставит туда: давай ей. Если мать что-нибудь ей ня даст! Она пойдёт, придёт в коридор, сюда. Всё, что может оборотить, оборотит и под дверь ляжет! Вот [у] ней ня закрывалась окно, она чярез окно влязала. Такая нахалка была, всё!

Манюня.

Ага, Манюня. Манюха, Манюха, Манюня. Любила лазовые листья, рябиновые веточки. Бывало, Михалыч прядёт: сходит в лес рябиновых веток наломает, лазовых наломает ей накидает. Она все обглодает, листья съест и даже шкурку эту обглодает.

А мычала как-нибудь, что-то, какой-то звук издавала она?

Не-а, ня слышали мы никакого.

Не выла?

Не-а! Не! Зв́ала. Один раз я хотела, мати говорит: «Посмотри, сколько в ней сисёчек — как у коровы четыре или не?». Ну я спярва по головке погладила, по боку тут, пониже, пониже, как только я опустила руку, чтоб мне до сисёчек яю потрогать, она встала так ножки растопырила, так: «няняняня». Села и описалась (смех). А Сашка говорит: «Бясстыжая, бясовестница, при всех описалась». И описалась. Это шшакотно ей, наверное, показалось: «няняняня». И всё. Мать долго переживала, плакала даже, она привыкла к ней.

А как только приходишь — эх, ходит, вясёлая такая, что рада, что пришли к ней.

Сколько она отбы́ла получается?

С июня, да в октябре, в конце октября яё взяли.

То есть несколько месяцев.

Рожек у ней не было. Не было рожек. Вот. Ушки, мордочка такая б́ила. Любила, когда яё погладишь по мордочке, ой любила, а Сашке, вот сыну, доставалось от ней, он любил дразнить яё, ну яму и доставалось.

Копы́том?

Нее, копы́том не. Она мордой била, как цирукнёт, готово дело, полятел. Много фотографий б́лю сделано, а все раздали и сябе ня одной не оставили.

А старые фотографии есть какие-нибудь у вас, может быть с мамой? Старые? Военные?

Не-не-не, таких нету.

Тридцатых, сороковых, пятидесятых.

Пятидесятые, по-моему, есть, не знаю. А бог их знáе, где они тяперь [у] меня. Даже я и не знаю. Вот. Вот так.

Оккупация (4:16, Praat 251)

А как оккупация проходила?

А оккупация проходила, вот скоро двянадцатое июля, двянадцатое июля, Пятров день, вот за этот Пятров день (у) нас уже б́ла деревня под немцами. Наши отступали, а немцы наступали. Двянадцатого июля.

А деревня так и называлась тогда Лаптево?

Так и называлась Ла́птево. Так и было Ла́птево, оно так и осталось Ла́птево. Только вот этот пярелок, по-нашему называли мы «Новая деревня», раз с хуторов перегнан, а немцы называли «Карельский перешеек». Вот так.

А в каком они доме тогда обосновались, немцы?

А немцы, а они во всех, вот в своём доме три комнаты, мы в своём доме ня жили, а вот через дорогу был дом, нас девять сямей туда были согнано. А здесь в нас в доме семь чаловек немцев шоферов жило. В подвале мы дяржали и картошку, и огурцы, и капусту, что надо, всё в подвале, они не закрывали — приходи, бяри всё. Но! Йихнее, если положено в них что-то вот так, а пришли так, ты уже знай, что пуля будет во лбу. Не тронь йихнее!

А что их нельзя было трогать? Что у них было?

Ну у них койки стояли, какие-то свои вешши были, я ж, мы же ня знаем, что они имели.

А кто-то пытался трогать?

Ну, может быть, где-то в деревне кто-то, только что не трогали мы, потому что мы боялися, мы боялися. Они сами, как чистокровные немцы, они трудолюбивые люди. А которые вот были как бы хохлы, поляки были, яшшо там эстонцы в них были. Это я сама подхо... [подхожу] хохол и поляк пришли, помню, как сейчас помню. Суббота бьль, мать убрала в доме, полы помыла, ещё немцы в нас тут ня жили, и пошла в баньку воду носить. А они к нам пришли, у нас вот это место старинный такой буфет стоял, там стояли горшки с молоком, ну раньше-то вы знаете, как горшочки молошнички такие были, они вытянули, вот здесь всё разбили. А в самой задней той, ты смотрела, половине, там жил Федя такой, он был сапожник, и он, немцы яго возили с собой. Он не жанатый был, бьла у няго сямья, я не знаю. Он сапожник, у няго были и кожа, инструменты, клей. Они здесь у нас горшки разбили, а туда пошли йихние эти самые кожи все на ленты вот на такие разрезали, клей по стенкам, по полу размазали. А немцы если б пришли посмотрели, это мы виноваты! А когда они, я вот сюда выскочила на улицу, летом было, сарафанчик такой был у меня одето, у меня волосы были большие такие косы. Один взял за волосы, вот так поднял мяня, а второй вот сюда, этот автомат наставил вот сюда, я до сих пор это холодное дуло чувствую! Кричат: «Батька где?». А я знаю, где батька? Я ж ня знаю, где батька. На войны! Где батька. И вот они своё тут дело сделали и ушли. Я закричала, мать пришла и видит такое. «А что?». А говорю: «Вот, приходили всё». Она меня за руку, и повяла к старшему немцу. Нам это не что, а кожи-то они разрезали йихние, а не наши это были. И вот привял к старшему, перяводчика поставили, перяводчик на мяня и говорит, йих пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают мяня: «Что? Какие?». А я и показала, какие. И их за одну ночь пятнадцать человек куда-то убрали. Заставили убрать здесь всё, даже клей, этот они скребли со стенок и с полу, потому что это нямецкое было, это не наше, заставили убрать, а потом и йих убрали, куда, бог их знает.

А было здесь в Лантеве место, где расстреливали?

Нет, не было, не было, не было, этого не было, расстреливали на Ровных Нивах, вот к Литвинову туда. Вот такое там расстреливали, а в нас не было. У нас не расстреливали они, и когда вот нямецкие самолёты налятали, вернее, наши русские на Опочку, а в немцах вот здесь был под горой два бомбоубежища у нас сделано, и немцы сами бежат, и нас, как только вечер, мы уже одетые, обутые и узялочек чяго-нибудь там хлебушка или что там на руке висит, сами бежат и нас гонют туда в бомбоубежища.

Вот в эти, в дзоты, да?

Бомбоубежища, сейчас они уже разрушенные. А так, чтоб огонька нигде-нигде к ночи никакой вот зацепочки б не было, никакой. Они идут, стучат в окна, знаешь уже, где-то просвет какой-то есть, значит они да, как бы мы давали сигнал какой-то, если свет горит, вот так. Ну а потом немцы ушли, а когда они пришли, дети-то есть дети, и что сейчас, то и раньше были. Мы собярёмся зимой особенно, ну поедем под гору кататься на санках там, а мы на санках не катались, а на дровнях, попросим дрóвни у кого-нибудь и на дровнях. И вот однажды немец пришёл как к нам. Пришёл: «Я, — показывает, — я». Мол, он хочет тоже прокатиться. Ну а мальчишки нам сказали: «Вы, — говорят, — садитесь на дрóвни сзади, как будем под гору спускаться, вы свалитесь в снег, а мы когда к кустам будем подъезжать, тогда свалимся». Ну вот, поехали, они свалились — и мы, и они, а он на этих дровнях как сидел, так в кусты и врезался! Врезался, а они носили такие длинные шинели, тёмно-зёлёные. Выходит с кустов, у него одна полá пополам разорвана, идёт: «Бубубубу», — по-своему бубнит, полой вот так махае. Мы стоим ни живые, ни мёртвые, всё, побоялися мы, ну спугалися. А он, ничаво не говоря нам, пошёл. А вот в этом вот напротив доме жил, тут другой дом был, это перяделанный, там жили эти самые немцы, он йим рассказал. Что мы вот катаемся и вот, он перяделся, такую какую-то куртку одел, и приходит он, и ящо трёх немцев приводит, ну мы собралися кучкой стоим, говорим: «Всё, нам хана». А они показывают: «Мы, мы». Они хóчут прокатиться, раз этот рассказал, как он прокатился. А эти-то парни, которые побольше в нас были, они имели две палочки, они садились с самого с краю, спереди, один на одной стороне, другой на другой. И если дрóвни пошли вот так, в сторону, этот палочкой тормозит, чтоб направляет, чтоб прямо шёл, если на эту сторону — етот. Ну тут они сказали: «хорошо, мы сейчас их прокатим». Вот тут эта дорога, она под гору так и шла туда даляко, раньше кустов не было, чисто было. Выгнали дрóвни вот на эту дорогу, они сели, ну мы дрóвни толкнули под гору, они разогнались, а дорожка былъ что и дрова возили, и сено возили, всё, дорожка накатанная былъ. Ну вот, и эти дрóвни поехали с километр, наверное, под гору туда и их прокатили. Когда они остановились, нам эти парни кричат: «Идите помогите дрóвни тянуть», они: «Найн, найн», — мы, мол, мы потянем, ня надо, мы. А мы кричим, что мы ня пойдём, мы боимся. И вот они эти дрóвни тянут, мокрые все, впотёвши, хохочут: «Гут, гут, гут».

по-своему. Ну а нам-то, раз йим хорошо, а нам тем более ня страшно, потому что нас ничаго ня будет. Вот такое.

А дровни как выглядели сами?

Ну дрóвни вот, обыкновенно лошадь запрягали [в] дрóвни, как вот есть же когда лошадь запрягут...

А, они большие тогда!

Большие, большие, большие. И вот на етих дровнях прокатили, а потом они рассказывали «гут, гут, гут», — по-своему всё, «хорошо». А потом, ну правда в нас, в нашем доме было семь шофяров жили, немцы шоферá, и йих изредка посылали на передовую возить снаряды там или что... Но когда они уже собирались на передовую, то мы на глаза, дети, не попадайся йим, они злые, потому что они едут на смерть, на пядовую. Но если приехали оттудова живые, то нам «бом-бом» (конфет). «Бом-бом, бом-бом всем», — нам давали, они живые приехали, «бом-бом». Так. Так они ня зверствовали у нас, потому что у нас партизан нé было, они ня зверствовали. Ну, зверствовали только как, вот на, где вот эта «долгáя гóра», где школа, там где вот остановка, йихний бýль камнедробиловка.

Это где сейчас школа?

Школа, только вот где остановка НРЗБ школьная, а это повыше вот так на горú туда, на ту сторону дороги, большака, там камнедробиловку видно.

По правую сторону или по левую?

Как к городу ехать — по левую. Как к нам сюда, то по правую, а от нас то по левую. Большая камнедробиловка, они возили большие камни, бувáло день и ночь «бубубу», они с таких камни дробили вот на такие маленьки.

А для чего?

Дороги, они собирались дороги стлать этим, камнем.

А сделали где-то дороги?

Не успели, не успели, вот не успели. И за Пятров день, когда вот начало этой войны бýль, мы со своего дома ушли от большой лес вот сюда, ну Коновáлиха, ты вот знаешь, Коновáлиха, ну вот, в окопах были, а когда начался обстрел, мы попали в ётых окопах в перякрéстный огонь, бы оттудова убежали.

А сколько вы там пробыли на коновалихе?

Месяц, может быть, может, меньше, бог знает сколько мы там прожили.

Это в Петров день в двенадцатое? Двенадцатого числа?

Дванадцатого июля Пятров день и мы оттудова убежали.

А год какой?

А год сорок первый, сорок первый был, вот начало войны.

И жили в землянках, наверное?

В окопах, окопы такие были выкопаны и шалашиком сделаны.

А там же ни воды в Коновалихе...

Есть, там болото есть.

Ну болото только.

Там вот туда к рыбхозу ближе, болото, вот оттудова воду носили.

Болото такое с озером?

Вóзеро, да, вóзеро. Оттудова воду носили, по ночам в окопе горел костёр, чтоб не было видно, ночью-то дым бог знае, там оно расходится, а чтоб огня не было.

А если заболели, чем лечились?

А ничем, ничем. Ну там пробóли может быть недели две мы пробóли там, а когда вот этот обстрел начался мы ряшились оттудова все наши вот, мы то пусть дети были, а взрослые ряшились оттудова уйти, потому что мы попали в перякрёстный огонь, это полная смерть наша. А вот сюда, где вот колхозные дворы были, они вот сейчас были и раньше до войны там были колхозные дворы, вот мы с лесу оттудова с под Коновáлихи вот к этим дворам вышли, бýла рожь посеяна, она горит вся, что снаряды падают, она горит. По-видимому, с совхоза с какого-то гна́ли свиней больших, большие такие, убитые, они на жары́! Мухи там такая смрад стоит от них страшно. Вот мы прибёгли и вот где крайний дом, вот здесь, как к нам вот сворачиваете сразу мимо ётово дома так вот туда тем краем мы побяжали вышли вот туда, я: «Мама, я домой хочу, — дом я вижу, — я домой хочу», — а няльзя, потому что уже немцы наступают. Мы спустились под гóру, я пить хочу, а там под горóй тоже болото, она платок сняла, так разостлала, рукам взяла мне, напоила. И мы побяжали лесом от w Сапулькí, это километров семь, наверное, отсюдова, Сапулькí. Може ты слышала дярвеню такую Сапулькí?

Угу.

Сейчас ей как таковой нет, а там большая дярвеня бýль. Ну прибязали туда, в эти Сапулькí, а там Пятров день справляют, праздник, ярмарка, по дярвенне народ ходит, ярмарка. Ну пришли в крайний дом, а [y] нас тётя Женья такая с дядей Васей жили. Вот Женька на краю, там он умер, Михайлов. Ну и нас сажают за стол, садитесь, поешьте кисялька, пирожки. Кого поешь пирожков, кисялька, когда мы колóтимся? Мы говорим: «война!

У нас дярэвня горит у нас», — у нас уже дома некоторые горели. Ну вот, «какая война?» — они не верют. А когда нямецкий самолёт пролятел над дярэвней, с пулемёта как пустил по людьм, вот тогда они только поняли, что в деревне действительно война. В нас дярэвня горит, а там ярмарку справляют.

То есть в первые дни войны прямо случилось?

Да, первые дни. И второй фронт в нас проходил тоже самое за Пятров день. Тоже за Пятров день. Вот так. Помню наша разведка на Кутке им перярвála дорогу. Мост взорвála, дамбу взорвála, там мельница стояль раньше. И вода эта хлынула, им некуда деться, и они вот так сюда ринулись немцы все.

Это вы про горелую мельницу говорите, про место?

Нет.

В Кутке была мельница?

В Кутке была, на бярягу там реки мельница, она всё время там б́бла. И вот наша разведка взорвála дамбу и водú спустила, там залив большой был.

Дорогу залила?

Дорогу ня залила, а через реку, реку там, там же мост и ряка вот эта Кутка и через реку она пошла, там тогда она луги залила всё, хлынула вода большая.

А где же этот мост был?

А мост он и сейчас тут, в Кутке.

В Кутке мост?

Через реку. Этот же мост, на этом же месте он и раньше был.

Где дорога такая идёт?

Да, ну вот большак-то вот как едете в Опочку и Кутку проезжаете реку, мост, вот этот самый мост взорвали, вот. Они вот ринулись в эту сторону, какой б́бсый, какой в кальсонах, какой как, как их застала наша армия, они убяжали, а когда убяжали, нас, когда немцы решили отступить, а наши наступали уже.

Это когда?

За первый фронт в сорок первом наши отступали, а немцы наступали, а наши отступали, эта у нас дорога шшитається военная, военная дорога. А через три года немцы отступали, а наши наступали опять же с той стóрони по этому же самому пути вот которая как б́бль дорога вот это, она шшитається военная.

А вы где все были?

А мы опять же были все убежавши в эти ж самые Сапулькí, там хутор был, а на хуторе на этом стояли сараи, без крыш, безо всего, просто стенки были и мы там находíлись.

А как же вы убежали, если за вами всё время они смотрели?

Ну убягали.

Ночью, наверное?

Не, справлялися, да выезжали. Йих, они тогда внимания не обрашшали, когда они, на них наступали, они уже тогда внимания на нас особо не обрашшали, а мы до этого, когда уже началось отступление, немцев, мы в Сапулькí опять же в эти убяжали и там вот находились всё время, пока они не пошли, вот стали отступать вот через Сапулькí. Через эту реку не попали на Кутку, что мост взорвали, а они ринулись сюда и нас забрали, лошадей заставили запрячь и через реку, мою бабушку, моей матери мать взяли. «Матка, век, матка, век, — показывают на ряку, — иди!», а там брод был в реке и она пошла и шла всё, вода большая, так, так, так она уже голову подняла, до сих пор в [у] ней, уже вода, а немец всё кричит: «век, век, иди», — им надо узнать какая глубина в ряке. Ну вот, когда она стала выходить, вода ей меньше стало, они яё опять вернули, а йим только это и надо было. Они через реку перяшли, а там же железная дорога сразу шла, вот эта вот которая в Опочке-то, где стрóют всякую. Это железная дорога в нас большая б́ла здесь.

А где она проходила?

Она вот проходила, как вот, где вот это стрóют там, что дачи или бани, Бох йих знает, что там рубят, где ЖБК-то вот это вот тут.

Это в городе?

В городе.

А у нас где?

А у нас не́ было. Вот она и б́ль, она через Сапулькí шла и туда дальше на Псков эта железная дорога, и немцы яё взорвали.

Вот, когда они стали отступать через реку, они нас бросили, мы им уже не нужны были, потому что они уже знают, какая глубина рякí и что, они отступали, а когда отступили все, тогда железную дорогу взорвали. Вот.

Петров день в деревне Лаптево
(25:44, Praat 1552)

Вот этот Петров день, у Вас же и мама его справляла, в те времена, когда в ярмарки ходили? Где по улице ходили в Петров день?

Там по большаку ходили. По той дярвни б́ль ярмарка.

По Лаптеву ходили. А откуда начинался вот этот проход?

А проход где... Хоть бы отсюда вышел на дорогу да пошел, прошел нямножко — повярнулся, ярмарка это как: ну ходит молодёжь туда-сюда, туда-сюда, вот это ярмарка шшитається.

С гармонью?

Где-то гармошка играе, где-то пляшут, где, где песни поют, где как. Вот этот вот Пятров день.

Ну и к столу приглашали да в гости звали?

Ну конечно приглашали, так вот примерно, мы жили, к нам гости свои приходили, а там ярманка б́ль, там не приглашали, там уже гости были. И с других деревень приходили, молодёжь.

Тоже гулять?

Да, да, молодёжь гуляла.

Ну они нарядные приходили?

Конечно, конечно!

А как кто был украшен?

А никак! Как после войны могли вукр́ситься? Одел платьице, да пошёл.

А до войны?

А до войны я не знаю, до войны как они ходили. Ну в старину-то известно, как одевались, ня так как сейчас. Одевали платьице какое свежее, да ходили.

А на столе что должно было быть в доме?

А что и сйчас ставят, то и раньше было?

Ну вот пироги пекли?

Пироги пякли, холодец варили.

А с чем пирог должен быть?

Ну с чем, с яблоком могли печь пирог, с каким вареньем яшшо, буваёт с творогом, чем пирог можно начинить?

А с грибами не делали, нет?

Может, и делали, бог йих знает, ня знаю.

И кисель варили?

Кисель обязательно!

А какой кисель?

А кисель всягда был клюква, из клюквы. Клюква. Всягда был клюква.

А что туда добавляли?

Крахмал.

А сами не делали крахмал?

Делали. С картошки.

А как делали?

А брали картошку на тёрку, тёрли, а потом он оседал крахмал — выжимали, промывали яго, он чистенький делался, потом высушат и крахмал, такой же самый как вот и продают крахмал. Всё время свой делали, это теперь покупают, а раньше всё сами делали крахмал.

Ну и сахар добавляли, да, в кисель?

Ну конечно, конечно, сахар добавляли. Свякольный яшшо делали этот кисель. Свёклу варили, такая бьль сахарная свёкла, она сладкая, яё тоже также тёрли на тёрку и потом выжимали этот сок и тоже сама, там сладость своя уже, крахмал добавляли тоже кисель получался.

А варёную или сырую тёрли?

Сырую, сырую свёклу тёрли.

А туда уже сахара не добавляли, да, в такой кисель?

Ну захочет послачше сделать — добавит сахару, а не захочет кто как, кто как. Вот.

Иван Васильевич Егоров, 1949 г. р.

Из биографии
(Praat 1176)

Никуда отсюда, армия только закинула мяня.

А Вы в каком году родились?

В сорок девятом.

В сорок девятом? А родители Ваши откуда?

А тут тоже они жили, здесь же.

И в войну здесь были, да?

Да.

А про войну рассказывали что-нибудь?

Ну про войну я ничего такого ня могу сказать, отец был танкистом.

Отец воевал?

Да. Он финскую прошел всю и потом отечественную, под Курском его как ранили, вопшем, инвалид был, отец был танкистом, осколки, колени, ноги ня гнулись и яго комиссовали. А потом он в колхозе работал, трактористом, кем только не, комбайнёром, на все руки был мастер, и всё, а потом погиб, умер. Как? Машиной задавило.

В деревне?

Да, там, он вошёл от меня в другую деревню, и там яго задавило.

А Вам сколько лет было, когда это случилось?

Ну мне уже лет тридцать, наверное, сорок было. А яго в шейсят вось... в восемьдесят шестом, по-моему, яго задавило.

Нам рассказали, что тут где-то есть стадо баранов.

А это были в саседки, а тяперь она вывела, хозяин умер тоже, Аркадий Павлыч, и она вывела, а ей не в силах, как бы она такая.

А у Вас хозяйство большое было? У Вас родители же здесь выросли?

Да, мы дяржали три коровы, штук двадцать овец, три поросёнка, хозяйство было большое, а потом уже не в силах стало так, бросили-бросили, сын сказал, говорит: «брось и не мучайся».

А сын у Вас что делает?

Ну сын, сын в Коми ССР, был здеся участковым, ну он учился, ну он вучился во Пскове, в школе милиции, участковым был, потом в уголовный розыск перяшёл, с уголовного розыска он..., жана въехала туда на север к матери, и вон перягодом туда в Коми ССР, был начальник уголовного розыска, потом с уголовного розыска он, его поставили замначальника милиции, в тридцать три года пошел на пенсию.

На военную, да?

Неа, там год за два, год за полтора яму шёл. Ну вот, отправили яго на пенсию. Он сюда приехал. Звóнят оттуда, говорят: «тябя начальником милиции ставят там за двести километров городишко». Говорит: «со своего города я никуда не уеду», — ну он на Вуктыле. Потом через два дня звóняют: «тябя в своём городе ставят», «не, — говорит, — рябята, вы отправили на пенсию, я тяперь свободный человек», — а он уже в Севергазпром удочки закинул, вот с отпуска поехал учиться сразу... сейчас вон, начальник охраны.

А где?

В Вуктыле.

А это далеко?

Коми ССР. Север. Две с половиной тыщи отсюда, ну вот.

И как часто вы видитесь?

Ну в год раз ездим мы туда, они приехавши, два внука, нявестка приехала оттуда.

Когда?

А вот они сягодня во Псков поехали.

А, тут сейчас они?

Они здесь.

На лето, да?

Да в августе он приедет сам.

А внуки большие?

Ну один в одиннадцатый, а етот во второй пошел.

Мальчики, девочки?

Два мάλьца тама, внучка у мя тута.

А то есть три внука у Вас?

Да.

А внучка, это у Вас ещё сын или?

Моей дочки. Она живёт с нами. Работайте в городе, в мегафоне, не в эм-тээсе.

И ездит на автобусе?

Я вожу каждый день. В школу вожу ж. Я вожу, покамест сила есть, так трудимся помаленьк, шевелимся.

А в детстве у Вас были братья-сёстры, семья большая здесь была?

Нет быйль сястра, сястра умёрль в тридцать четыре года.

Рано.

Угу, а больше нету никого, так, двоюродные есть сёстры, одна сястра двоюродная.

А жили вы с бабушкой-дедушкой?

Да, одну бабушку я только помню чуть-чуть, был там.

Она здесь местная, да?

Ну раньше они там на хуторе жили, под Ямельянцевым там, а потом уже колхозы как стали, это самое, сгонять-то, вот они сюда переехали, здесь были.

А колхоз где был?

А колхоз вот он был, в Барабанах. Центр был.

Жизнь тяжелая была?

Да, раньше за палочки работали, как в двенадцать лет в двадцать два гектара картошки разъезжали рябтя в чтырѐх.

Это на тракторах?

На лошадях.

Картошку потом полоть надо?

Нет, полоть — не пололи, только разъезжали.

А разъезжать, это что значит?

Ну вот они посадили и окучником на две стороны окучиваешь яѐ, картошку, вошпем, жисть вясѐлая бѣль. Всяго поглядели, всяго повядали, а потом в армию забрали и в Гярманию, два года в Гярмании, полтора года в Гярмании и полгода на целину в Оренбуржскую область.

А где Вы в Германии были?

Город Цайц. Ну от Геры... двадцать восемь километров от Геры.

А что там делали?

Ну... группа советских войск бѣль в Германии, в Польше, ну там по-другому уже называлось.

А что Вы там делали?

Шофером... шофером был, артиллерия, гаубицы возил, три тонны гаубица, семь тонн в кузове снарядов и на полигон. На месяц, на два въезжаешь на учения, ну и потом уже в казарму. Ну вот, такие пироги, потом приехал. С армии опять сюда в колхоз пришел, на машину, и поехало: Ленград, Латвия, Эстония, Украина, Белоруссия, ну вот ездили зярно закупали, раньше ж не хватало всявó. Вот возили. Сено возили.

А это же надо было в колхозе работать и ещѐ у себя в хозяйстве успевать?

Да, а как же? Вошпем спать горáзд не приходилось. Всяго хватало.

А с женой Вы где познакомились?

А здесь, в Опочке.

Она тоже отсюда?

Не, она с Пустошки сама, с-за Пустошкой ещё. А потом они оттуда преехали сюда в совхоз, «Фронтвик» был. Там и познакомились. Потом пожанились. Всю жизнь тут. Так и мучаемся (смех)...

А дом этот у Вас новый уже построенный?

Нет, дом был эта, дом как раньше был, раньше вот по сюда был вот так коидор во весь, был вот такой коидорчик, а потом крыша стала протякать, а я на супругу, я говорю, давай-ка перякром крышу. «Ну давай», — деньги подсобрали, тут дочка помогла, в Ленграде работала, потом сюда прееехала, сын помог, спонсором был. Вот, разобрали всё, остался вот по эту, одни углы, четыре угла.

Стены разобрали?

Вот это всё, крышу, всё. Осталось четыре угла вот так коробочка. Ну люди ходили тут «ай-ай-ай, что они сделали, тяперь ничего не сделать, как жить будут», — ну вот, пять лет. Как видите.

Красота. А второй этаж был или тоже построили потом?

Ну построили, всё сами, сын помогал хорошо.

А основной дом, это старая изба?

Это старое всё.

Родительское ещё?

Да. Довоенный дом.

Нам рассказывали, что наши, когда отступали, жгли дома.

Нет, это Павлыч был сгорелши. Вот первый дом где стоит, вон там был сожгён, а наш целы были ещё дома, про это ничё не говорили. У нас всё. Так теперь живём.

Источники

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997; Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004.

Ронько и др. 2019 — Р. В. Ронько, Е. А. Вольф, М. Ю. Гребёнкина, М. Ю. Ершова, А. В. Охупкина, А. С. Хадасевич, В. А. Морозова.

Корпус опочецких говоров 2019. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ; Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН. [Электронный ресурс:] <https://linghub.ru/opochka/>

Литература

Вайерманн и др. 2002 — Р. Вайерманн, Я.-П. Лохер, Н. Морозова, О. Ровнова, М. Родунер, Т. Привитэлли, В. Чекмонас. Диалектологическая экспедиция по изучению старообрядческих говоров Псковщины // *Slavistica Vilnensis* 2002 (Kalbotyra 51 (2)). Вильнюс, 2002. С. 206–209.

Дьяченко и др. 2018 — С. В. Дьяченко, Е. Г. Жидкова, А. В. Малышева, Р. В. Ронько, А. В. Тер-Аванесова. Экспедиция в Опочецкий район Псковской области // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 36 (2). С. 257–312.

Касаткин и др. 2012 — С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова, К. Ф. Захарова, Л. Л. Касаткин, И. Б. Кузьмина, О. Н. Мораховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова, О. Г. Ровнова, А. В. Тер-Аванесова / Под ред. Л. Л. Касаткина. *Русская диалектология: Учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука, 1993.

Малышева 2018 — А. В. Малышева. Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре // *Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов*. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 108–129.

Малышева, Тер-Аванесова 2016 — А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова. Предлог *у < *у, *въ* в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика // *Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой* / Сост. О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 224–227.

Получено 03.12.2019

Roman V. Ronko

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
romanronko@gmail.com

EXPEDITION TO OPOCHKA DISTRICT OF THE PSKOV REGION IN 2019: TEXTS AND A BRIEF COMMENTARY

This paper continues the work conducted by a group of researchers who describe dialects of Opochka district of the Pskov region. It contains transcription of two interviews with dia-

lect speakers from this district, recorded during a dialectological expedition in 2019. Recordings are transcribed in standard orthography with elements of phonetic transcription. Some of the dialectal features are described in a grammatical commentary.

Keywords: Pskov dialects, Opočka dialects, dialectological expeditions, dialectal texts.

References

- Bromley, S. V., Bulatova, L. N., Getsova, O. G., Zakharova, K. F., Kasatkin, L. L., Kuzmina, I. B., Morakhovskaya, O. N., Nemchenko, E. V., Orlova, V. G., Rovnova, O. G., & Ter-Avanesova, A. V. (2012). *Russkaia dialektologïa*. Moscow: AST-PRESS.
- Dyachenko, S. V., Zhidkova, E. G., Malysheva, A. V., Ronko, R. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2018). Ekspeditsiia v Opochetskii raion Pskovskoi oblasti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 257–312.
- Kuzmina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Nauka.
- Malysheva, A. V. (2018). Markirovanie semanticheskikh rolei pri glagolakh rechi v iuzhnorusskom govore. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii 19–20. Slavianskie dialekty v sovremennoi yazykovoï situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov* (pp. 108–129). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Malysheva, A. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2016). Predlog *u* < **u*, **vъ* v iuzhnorusskom govore: fonetika, upravlenie, semantika. In O. V. Dedova, E. V. Petrukhina, & L. M. Zakharov (Ed.), *Slavianskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire* (pp. 224–227). Moscow: MAX Press.
- Vaiermann, R., Lokher, Ya.-P., Morozova, N., Rovnova, O., Roduner, M., Privitelli, T., & Chekmonas, V. (2002). Dialektologicheskaia ekspeditsiia po izucheniiu starobriadcheskikh govorov Pskovshchiny. *Slavistica Vilnensis*, 51(2), 206–209.

Received on December 03, 2019